

27.10.05
Кобзон Иосиф

Иосиф КОБЗОН.

«КАК ПЕРЕД БОГОМ»

Жизнь постоянно сводит Пугачеву и Кобзона: он помогал ей в начале карьеры (фото внизу), и потом они пели дуэтом, несмотря на разрыв...

Жванецкий

Начну с того, что знаю я Михаил Михайлыча с его ранних лет, когда он появился в антраже у Аркадия Исааковича Райкина...

Теперь, когда многие плюются от того, что Жванецкий делает в наши дни, мне не стыдно, что я когда-то ему помог. Потому что сейчас это совершенно другой Жванецкий. И я это дал понять ему достаточно откровенно. Особенно после того, как он стал высказываться насчет Кобзона. Как только разговор заходил обо мне, Жванецкий тут же начинал отпущать свои глубокомысленные замечания в том смысле: чего же вы хотите, если Кобзон комсомольско-молодежный певец и... всегда с начальством!

Когда мы встретились на юбилее одного хорошего общего друга в Киеве, тут он получил от меня сполна... Я сказал: «Понимаешь, в чем дело? Если бы не «мой комсомол», ты бы вообще неизвестно где был бы... Если бы не «комсомольский певец», о котором ты говоришь с таким упоением, вызывая ажиотаж и ехидные улыбки, кто бы тебя знал, кроме соседей по коммуналной квартире в Одессе? Так бы ты там и жил, пока сам себе не надоел... Ты что себе позволяешь? Какое ты имеешь право? Собственно говоря, и в Москве-то тебя прописали только потому, что просил за тебя именно тот самый «комсомольский певец», над которым ты теперь так посмеиваешься. Как же тебе не стыдно? Почему ты такой неблагодарный? Почему ты удивительно хамский человек по отношению к людям, которые делают тебе добро?» Вот где-то в таком духе я ему все высказал и добавил: «Теперь я буду на всех углах говорить, что ты — человек, который не заслуживает ни-

какого внимания, потому что все, что ты говоришь, все это ерунда, что у тебя нет ни позиции, ни приверженности ни к чему: ни к народу, ни к стране, ни к коллегам по работе... Как «комсомольский певец» я буду это утверждать! Тебя это устроит?» Кончилось тем, что Жванецкий извинился и сказал: «Больше я в жизни такого себе не позволю. Я даже не подумал, что я наделал своими словами. Вот сейчас тебя слушаю и понимаю, что действительно незаслуженно обижал тебя...» Жванецкий извинился, но осадок остался.

Вот такое было, но что я хочу еще сказать. Для писателя подобного масштаба, причем действительно талант-

Так называется книга воспоминаний и размышлений Иосифа Кобзона. Когда появились сообщения, что мэтр готовит к изданию свои мемуары, конечно, была надежда, что они будут откровенными, но... чтобы настолько откровенными — не ожидал никто! Это, конечно, личная точка зрения певца, но он имеет право на свое мнение о звездах. Нам удалось договориться о публикации нескольких глав до выхода книги, которая поступит в продажу в начале ноября.

ливого писателя, существовавший режим, политическая ситуация и время являлись незаменимой пищей для творчества. Можно просто рассказывать анекдоты или просто шутить. Это да. Но это так, в компании. Для государства же, для страны, для народа настоящему писателю нужно прежде всего заявлять о своей позиции!

В советское время, когда он остро высказывался в своих монологах или в тех работах, которые по его произведениям делали Карцев и Ильченко, Жванецкий по-настоящему был на высоте положения. Но потом, когда возникла эта лживая демократия, когда стало можно говорить что угодно и даже со сцены говорить матом, оказалось, что все это никому не нужно.

Многие сатирики, в том числе и Жванецкий, потеряли свою актуальность: ведь они были писателями того времени, а то время... кончилось. И без чьих-то сатирических намеков все видели, что представляет из себя Ель-

даци выделит в Серебряном бору. А Жванецкий в ответ: «Лужков? Ну что... Лужок, конечно, хороший мэр, если бы не эти вот «чертельчики», его окружающие...» Какое хамство! Может быть, это и есть проявление провинциальности(?) вырвавшегося из грязи в князи: «Я теперь вот какой. И могу все, что захочу!» А получил по башке, испугался, затих и сразу на попятную и тут же давай прятаться за чьи-то могущественные спины или бежать на «запасной аэродром».

Для этого у него, у Жванецкого, есть дом в Америке, у него оставленная семья в Америке, а здесь есть другая семья, и живет он, так сказать, на два лагеря... Живет в Америке и стесняется этого, словно боится, чтобы кто-то не узнал это и... как-то не так понял... Я не хочу вмешиваться в его личную жизнь, но не хочу, чтобы и он вмешивался в чью-то жизнь так, будто сам — святой. Художник никогда не должен забывать, что у него есть ответственность перед теми, ради кого он живет и работает... Ты же — как хирург!

В связи с обиваниями и конъюнктуре и связях с властью хочется спросить: «Чего же ты сам ходишь по кабинетам и просишь себе то машину, которую у тебя украли, чтоб ее заменили, то клинику, чтоб тебя лечили... «на шару», то еще что-то... Что же ты сам ходишь к тем, кого так поливают? Зачем сам делаешь то, за что так критикуешь других?»

Алла Пугачева

Впервые я увидел Аллу на улице Качалова в Доме звукозаписи. Это было в году 70-м или 71-м. Тогда на Всесоюзном радио существовала такая веселая редакция, которая называлась редакцией сатиры и юмора. На ней работали замечательные авторы Трифонов и Иванов. И вот однажды, когда у меня шла очередная запись песни, ко мне подошли эти самые веселые редакторы Всесоюзного радио и сказали: «Иосиф, нам нужно срочно для воскресной передачи «С добрым утром» записать одну девочку. Будь добр, уступи нам свою очередь!» Вместе с ними подошел композитор и музыкант Лева Мирабов, написавший песню, которую должна была озвучить эта самая девочка...

Конечно, можно сказать, что Жванецкий взялся за Кобзона, потому что остался без темы. Хотя, скорее всего, причина в том, что он почувствовал себя великим, когда перестал им быть, когда ушло его время. Однако хочется показать, что ты еще есть и еще ого-го какой бесстрашный, независимый и абсолютно свободный во всем вольный художник. Сейчас он то же самое повторил и в отношении Лужкова, который обесценил его всем. И его проживание в Москве, и квартиру, и место для строительства

под какой фамилией она тогда выступала.

...Где-то году в 74-м ее заметил руководитель ансамбля «Веселые ребята» Павел Слободкин. И... как бы жеманясь на Алле, взял ее к себе в коллектив, и она начала у него работать.

Когда был Всесоюзный конкурс на лучшее исполнение песни, Павел «пристроил» на него свою Аллу. Председателем жюри являлся знаменитый дирижер Юрий Васильевич Силантьев. Я тоже входил в состав жюри. И вот выходит Алла в сарафанчике в горошек и поет две песни (Ермолова «С чистых прудов» и «Посидим — попокаем»). И поет их просто замечательно.

...Начали обсуждать кандидатуры исполнителей на премию. И тут я понимаю, что она «вылетает».

...Первую премию дали Венере Майсурадзе. Вторую премию она тоже «проскочила». Наконец, когда исчерпали третьи премии, я сказал: «Коллеги, мы с ума сошли! Ну как мы можем оставить без премии так здорово звучащую певицу Аллу Пугачеву?»

— А мы ей диплом дадим! — раздали голоса.

— Да нет! Так нельзя! Вы же сами понимаете, что лауреат — это действительно много значит! Поверьте мне, она — очень перспективная девочка... Дайте ей шанс, и она себя покажет!»

Силантьев не выдержал и говорит: «Коллеги, а ведь Иосиф прав!»... И меня поддержали. Алла дала четвертую «третью премию».

Происходило это в июне 1975 года. А в августе на конкурсе «Золотой Орфей» она спела песню Эмила Димитрова «Арлекино». Это уже была революция Аллы Пугачевой!

...Тогда я еще ездил за рулем. И наутро после того неурядового ночного события, проезжая по Каретному ряду, увидел гуляющего Леонида Осиповича Утесова. Я вышел. Обнялся с мастером, а он мне и говорит: — Иосиф, вы смотрели вчера «Орфей»?

Я говорю: — Смотрел. — Ну и как вам эта рыжая лахудра? — Потрясающе! — говорю я. — Это с ума можно сойти, Иосиф.

Она действительно потрясающая. Она — явление! — так сказал великий Утесов.

А сама Алла, еще несколько часов назад бывшая какой-то там солисткой «Веселых ребят», вспыхнула в ту ночь новой звездой первой величины.

По-разному дальше складывалась ее судьба. Она становилась невероятно популярной. ...Порою достаточно было произнести ее имя, чтобы собрать стадионы... Это, к сожалению, затмило ей голову. Звезда все чаще стала направо и налево раздавать свои не терпящие никакой критики оценки всего и вся... и все реже делала то, что сделало ее звездой. «С ее высоты» выходило, что вокруг никого нет, что она одна, и она — самая-самая...

При встрече я сказал ей: — Вера я смотрел твоё телевизионное интервью. Не надо так делать, Ал! Ты себя погубишь...

— Почему? Что такое, Иосиф Давыдович? — удивилась она (она зовет меня Иосиф Давыдович).

— Да потому, что своими безапелляционными заявлениями ты настраиваешь против себя коллег. Ты можешь о чем угодно говорить с публикой, но зачем обкладывать коллег?! Не надо так их обижать...

Так и сказал. И она, видимо, затаила на меня обиду. Шел 1989 год...

Лучше бы она больше пела!

К тому времени я стал народным депутатом СССР. И вот уже в качестве народного депутата нахожусь в Омске. Смотрю телевизор. И что вы думаете? Я вижу на экране ядовитую и вездущую писательницу Толстую, какую-то даму и... Пугачеву. Алла задает вопрос: «Алла, как ты относишься к тому, что сейчас (в годы перестройки) многие творцы пошли в политику?» И тут Алла выдает: «Ну... если вы имеете в виду Кобзона, то ему, наверное, уже пора сидеть там, а я-то еще попою...» Это вызвало ажиотаж, разговоры, аплодисменты. «Ах ты, господи!» — думаю.

Возвращаясь в Москву. Меня спрашивают: «Как вы прокомментируете слова Пугачевой?» Я говорю: «Да никак! Дура есть дура. Что тут комментировать?» А тогда уже у Аллы был роман с Женей Болдиным. Он ее продюсировал. И вот Болдин, встретившись со мной в Концертном зале «Россия», говорит: «Иосиф, прости ее, пожалуйста! Ну ляпнула баба...» Я говорю: «Женя, а почему ты за нее прощения просишь? У нее что, голос пропал? Пусть она сама объяснит: почему она так сказала о человеке, который ей, кроме добра, ничего не сделал?! Уступил ей место в студии, чтобы не сорвалось ее первое выступление по Всесоюзному радио. Пробыл ей звание лауреата, что позволило поехать на конкурс «Золотой Орфей» и стать знаменитой... Или, может, я сделал плохо, что помог получить квартиру, когда ей с Кристиной жить было негде? Какое она имела право вообще меня трогать? Тем более что она, наверное, понимает, что я не самый плохой певец в этой стране...»

— Ну дура, Иосиф, и есть дура!

— Нет, — говорю, — Женя, ты меня не убеди. Пока она сама не опомнится, я буду при всех удобных случаях унижать ее, несмотря на то, что она женщина...

Потом как-то отлегло, я, конечно, отошел от этого и... все забыл. После этого у нас с ней бывали разные случаи. Как-то раз, когда у меня шли сплосные концерты, а Алла значительно сократила свою творческую активность и опять начала что-то там высказывать, я не удержался, чтобы не пошутить: «Не исключено, что... (если так и дальше пойдет) мне придется спеть и на проводах Аллы со сцены!»

Потом мы с ней опять приятельствовали. Она часто бывала на каких-то моих сборищах и юбилеях, была на моей серебряной свадьбе, пела специально написанную песню на моем прощальном туре по местам моих гастролей в бывшем Советском Союзе. Пели мы с ней дуэтом...

Мы и по сей день общаемся. Однако той искренности, которая могла бы быть между старшим товарищем и младшей коллегой, нет.

Меня спрашивают: «Что ей за шлея под хвост пошла?» Отвечаю: «Никакой шлеи нет! Скорее это эфирия, что она все время будет на пьедестале. И от этого она может унизить и оскорбить кого угодно: и Сою Ротару, и Иру Аллегрову, и Ларису Долгину... На нее обиделась и наша прибалтийская звезда Лайма Вайкуле. Что тут нужно делать? Да все просто! На нее просто надо реагировать соответствующим образом. Брякнет она что-то, а в ответ ей: «Да пошла ты...» И она сразу (!) успокаивается. И становится на место.

Вместе с тем надо признать, что Алла — не мстительная. Она не использует свои дружеские связи и свое положение

Жванецкий и Кобзон: разговор по душам?

ние против своих коллег. Нет! Ничего этого нет. Она нормальная. Но на ней почти все время висит маска вот этой вот «неугасимой звезды», которая ей вредит. Обозначилась и еще одна беда. Она теперь много пропадает на каких-то бездарных тусовках, вместо того чтобы активизировать свое творчество. Времени ведь впереди что у нее, что у меня мало. Мне не как артисту, а как потребителю ее творчества это очень обидно. Лучше бы она записала новую песню.

Разговоры о том, что Пугачева уже дисквалифицировалась, — чепуха! Я так не думаю. Мастер никогда не может дисквалифицироваться. Недаром есть поговорка: «Талант не пропьешь!» Она его никогда не пропьет и не проиграет. Поэтому всегда будет Примадонной. Но дело не в этом... Алла могла бы сделать карьеру не конъюнктурной, но очень полезной для своего жанра.

Она же, кроме участия в глупом (с точки зрения искусства) коммерческом проекте «Фабрика звезд», ничего толком не делает. А могла бы хорошо влиять на обстановку в стране, в которой она не просто пребывает, а все-таки живет. Могла бы высказывать свое мнение по поводу того, что у нас происходит, и как она воспринимает текущую политику. Нельзя же быть известным гражданином и отмалчиваться. У нее нет никакой позиции. Такое впечатление, что она и имеет ее не хочет.

Если ее приглашают, она идет. И опять-таки, если это не коммерческое предложение, то приглашение ей должно быть очень личным. Ей должен позвонить чуть ли не сам президент, чтобы она приняла участие. Она напрягает всех. И все идут... автоматом... идут упрямиться. Хотя я считаю, нас,

нас, артистов, за такое поведение надо наказывать. Как наказывать?

Элементарно. Скажем, позвонили и говорят: «Гражданин Кобзон, необходимо выступить во Дворце съездов на концерте, посвященном Дню пограничника!» Если я начну торговаться, сколько мне за это заплатят, сказать:

— Ничего вам не заплатят... — А чего это я обязан выступать без денег?

— Хорошо, гражданин Кобзон, больше государства к вам никогда не обратится, но и вы больше никогда во Дворце съездов выступать не будете!

После этого, чтобы вернуться на главную сцену страны, придется искать возможность и повод извиниться, доказать, что был не прав... Потому что в жизни есть такие дела, без которых мы, артисты, жить не можем! Если мы хотим от государства что-то иметь, скажем, престижные залы и рекламу своего творчества, мы должны выполнять элементарный долг перед Родиной. В самом деле, почему все должны, а мы, артисты, не должны? Чем мы лучше других? Чем мы лучше тех, кто больше нашего делает, чтобы страна была настоящей державой?! Не следует, конечно, забывать, что песня «строить и жить помогает». Но ведь строят другие граждане...

В этом смысле грешна Алла Борисовна. Но другой Аллы Борисовны у нас нет!

Публикацию отрывков подготовил автор литературной записи Николай ДОБРЮХА. Фото из архива Иосифа Кобзона.

Продолжение читайте в следующем номере еженедельника «КП».

НОТТА. Природа против стресса

Я стала раздражаться по пустякам, «срываюсь» на близких в семье, ночью сплю плохо, а днем чувствую постоянную сонливость. Как вырваться из этого «порочного круга»?

Лена С., Ковров.

Мы живем в режиме жесткого эмоционального напряжения, что неизбежно отражается на нашем настроении и самочувствии, провоцируя появление раздражительности, тревожности, депрессии, нарушенной сна.

Рекомендуем вам препарат Нотта. Это натуральное успокоительное средство поможет вам как в ситуации хронического стресса, так и при внезапных психотравмах и их последствиях. Препарат избавляет от нервного напряжения, перепадов настроения, раздражительности, склонности к депрессии, возвращает хорошее

настроение. Вы вновь станете уравновешенными и уверены в себе. Нотта восстанавливает быстрое легкое засыпание и крепкий сон, поэтому утром вы чувствуете себя отдохнувшими и восстановившими силы.

Нотта выпускается в удобной форме в виде капель для приема внутрь. Терапевтический эффект от приема Нотты наступает буквально на 2-3 сутки лечения, но курс приема составляет 1-4 месяца, что определяется индивидуально в зависимости от выраженности беспокоящих симптомов. Нотта не имеет побочных эффектов, не вызывает привыкания.

Дополнительная информация по тел. «горячей линии»: (095) 797-90-91 www.biftner.ru

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ Рег. номер: ТН 012112/01